Одиннадцать вольт для Феникс

Алексей Шведов

SHOUT
SHARE
IT

- Одиннадцать вольт для Феникс
  -
  - - 1 -
  - - 2 -
  - - 3 -
  - - 4 -

Одиннадцать вольт для Феникс

Алексей Шведов

«Стоит человеку испытать вкус блаженства, как он скоро захочет ощущать его постоянно».

Кеннет Келзер «Солнце и тень»

- 1 -

— Господи, да ты только посмотри на неё!

— М–да.

— Эй, Феникс, открой глазки!

— М–м–м…

— О, голос подала! Прогресс!

— М–м…

— А морда довольная — смотри, смотри!

— Ещё бы ей не быть довольной. Ну и что с ней делать–то в таком состоянии?

— М–м?

— М–м! М–м! — передразнил её ТДК.

— Чего надо? — пробормотала Феникс, окидывая склонившихся над нею парней вялым сонным взглядом. Счастливая улыбка уже сползла с её лица под гнётом внешних обстоятельств.

— Халат хоть запахни!

Она опустила взгляд вниз: халат был расстёгнут, обнажив одну грудь (левую). Ей стало неловко, хотя если вдуматься, то что здесь такого? Подумаешь — грудь! Что, они женской груди никогда не видели? К тому же она у неё всё равно маленькая… Но всё же Феникс последовала просьбе ТДК, потом присела. Мир вокруг немного дрожал, руки тоже. И вообще её знобило. И как она умудрилась заснуть?

— А чё так холодно?

— На улице, — сказал Женя, — плюс тридцать два. Сейчас лето, Феникс. А тебе холодно. Есть над чем призадуматься, не так ли?

— Как вы сюда попали? — Феникс протёрла пальцами глаза. Внизу живота уже немного ныло. Неужели она проспала больше четырёх часов?! Она поморщилась. А скоро будет ещё хуже…

Женя повертел согнутой булавкой.

— Понятно, — проворчала Феникс. — Надо будет замок менять…

Наступило молчание, во время которого она пыталась расчесать пальцами спутанные волосы и чёлкой скрыть нейропорт. Феникс знала, зачем пришли Женя и ТДК, и оттягивала неприятный разговор до последнего. Она понимала, что виновата перед ними. «Но что я могу с этим поделать? — Феникс принялась задумчиво покусывать нижнюю губу. — Впрочем, я не так уж и виновата. В конце концов, это был мой личный блок питания. Что хочу, то и делаю. А в примочку можно

и «Крону» вставить — так даже фонить меньше будет. И вообще, каждому своё. И нечего проецировать на меня свои проблемы. Только вот настроение хреновое…».

Она встала (хотела пойти умыться), но тут её сильно качнуло и она полетела на тумбочку.

— Бля–адь!!!

ТДК и Женя многозначительно переглянулись.

— Феникс, ты понимаешь, что тебе нужно завязывать? — спросил ТДК.

— Ой, только не надо мне говорить, что мне нужно делать, — поморщилась она. — На себя посмотрите сначала.

И она ушла в ванную. Из зеркала на неё глядела бледная худая физиономия, под глазами — тёмные круги, сами глаза — красные. Как попало умывшись и расчесавшись массажкой, Феникс вновь уставилась на себя в зеркало. Повернулась к нему сперва левой стороной, потом — правой. Справа она себе нравилась больше.

Достав из нейропорта пустую капсулу, Феникс спрятала её в халат — на драгс–точках двадцать таких меняют на одну целую. Где бы ещё восемь найти? Причём, к вечеру. Она снова посмотрелась в зеркало, зачем–то потрогала нос. Блин, ну и морда. Указательным пальцем погладила разъём порта: небольшое отверстие в сантиметре от межбровья, полый стержень, ведущий прямо в узел гипоталамуса. А когда вы вставляете в него энергокапсулу, то генерируются электрические импульсы, воздействующие на центр «рая». Стоимость капсулы зависит от порога заряда. Феникс прижалась к стене и, прикрыв глаза, постояла так немного, после чего вернулась в комнату. Женя и ТДК скромно сидели на столе. Феникс уселась на кровать, сгребла с тумбочки упаковку анальгина и проглотила кое–как без воды пару таблеток. Нужно было ещё переодеть плавки, а то эти все мокрые после «тока». Только сейчас на это внимание обратила. Её взгляд настороженно заскользил по комнате. Ну и чего они тут расселись, спрашивается?

— Ну, так сегодня ты на репетицию придёшь или нет? — поинтересовался Женя.

— Во сколько?

— К семи.

— А щас сколько?

— Полпятого.

— Ну, приду, если нужно, — вернее, постараюсь прийти, добавила Феникс про себя. Тут запищал видеофон. Она шлёпнула ладонью по прямоугольнику сенсодатчика, активируя экран. На нём тут же нарисовался улыбающийся Герберт. Феникс снова

ударила по датчику, прерывая контакт — ещё не хватало при Жене с ТДК с ним разговаривать!

Она выдернула видеофон из розетки. Уйдут — и я сама перезвоню, поклялась она себе.

— Кстати, с блоком питания надо будет как–то вопрос решить, — как бы невзначай заметил ТДК.

Феникс покивала в знак согласия, хотя, откровенно говоря, все эти музыкальные проблемы были ей сейчас до лампочки. Итак, звонил Герберт. А за ней должок, который нужно было вернуть ещё вчера. Что он может подумать, если она вот так вот резко оборвала связь? Что должница не желает платить. Так что, возможно, вскоре он сам придёт к ней или пришлёт своих шестёрок, чтобы они убедили её вернуть долг. «Да где ж я вам возьму столько денег? — возмущённо думала Феникс. — Они чем там у себя думают? И расценки дикие какие–то; говорят, в том же Кемерово «ток» дешевле раза в полтора».

— То есть сегодня ты точно придёшь? Не как вчера?

— И позавчера, — добавил Женя.

— Точно приду, — буркнула Феникс. — В семь?

— Угу.

— Надо записываться быстрее, — сказала она. — Надоело мне уже репетировать. Выступать всё равно нигде не выступаем…

— А вот это тебе не надоело? — ТДК постучал себе между бровей. Намёк понят, подумала Феникс. — Лариса, ты посмотри, в кого ты превратилась за последние три месяца!

— Какая была, такая и осталась, — недовольно проворчала она. Разные нотации её жутко раздражали. Ей было проще продолжать считать, что она ничуть не изменилась — просто изменились окружающие.

— Феникс, неужели ты действительно этого не видишь? — в разговор снова вступил Женя. — Тебя уже ничто больше не интересует кроме этих твоих капсул. Кстати, что–то я не вижу твоего плейера… Вероятно, он там же, где и блок питания? Так?

— Не надо меня учить, а?

— А никто тебя и не учит. Мы пытаемся тебе помочь. Вспомни, кем ты была, и посмотри, кто ты есть. Ты же жить теперь без этого не можешь. Все вещи уже попродавала. Кофточка твоя зелёная где? Что–то я давно её на тебе не видел…

— Нет, ты мне чё тут гонишь? — закричала Феникс, не выдержав. — Ты мне муж, что ли? Отец? Надо же, прикопался! Что хочу, то и делаю!

— Может, нам начать искать другого басиста?

— Ищите хоть семь басистов.

— То есть ты больше не будешь играть?

Феникс насупилась. Играть в группе ей в общем–то нравилось.

— Буду, — пробормотала она виновато–извиняюще. Глаза её смотрели в пол. — Только не надо ко мне прикапываться, я и сама знаю, что у меня проблемы. Но я намерена в ближайшем будущем завязать.

— Старо предание, — заметил ТДК.

— Да верится с трудом, — окончил Женя. — Чем ты думала, когда вставляла в себя эту штуку?

— Головой, чем. Чем я ещё могла думать? — она еле сдерживалась, чтобы снова не начать кричать.

— Такое впечатление, что кое–чем другим.

— Слушай, а какое тебе вообще до этого дело? Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь. Понял?

— Бесполезно с ней разговаривать, — Женя махнул рукой. — Она уже конченная, как и все эти… Она сама уже не завяжет, её лечить надо.

— Это тебя надо лечить, а не меня! — выпалила Феникс. — И твою Ксюшу!

— Ну–ка ты! — возмутился Женя. — Причём тут Ксюша? Причём тут Ксюша, а? Ты чё тут базаришь, онанистка?

— Сам ты онанист! — закричала Феникс, вскакивая. — Пошёл на хуй отсюда, пошёл на хуй, понял!

— Да щас ты сама на хуй пойдёшь!

— Да на хуй мне твой хуй нужен!

— Э, ребята, кончайте! — заметался между ними ТДК. — Женя, успокойся, ну ты–то чё…

— Нет, что ты там про Ксюшу начала говорить? Договаривай–договаривай, если уж начала!

— И договорю! — закричала Феникс. Её прямо–таки распирало от справедливого гнева. — Почему это твоя Ксюша себе в пизду чип вставила, а я нейропорт в голову не могу? А? Почему ей можно, а мне нельзя? А я тебе сейчас скажу почему, я тебе скажу… Это ты потому на меня наезжаешь, что я тебе не дала тогда у Мэри на дне рожденья, вот твоё мужское самолюбие теперь и…

— Ты чё, дура? — удивился Женя. — Нет, ты чё, дура? — он вполне натурально рассмеялся, но, правда, немного нервно. — Причём тут день рожденья Мэри? Ну, пьяный я тогда был… нашла что вспомнить. Не дала — не дала, я из таких вещей проблем не делаю.

— Это тебе только кажется, что не делаешь. Нет, ну ты мне ответь теперь, почему своей Ксюше ты разрешил биочип поставить, а…

— Да пойми ты, это разные вещи! — закричал Женя и начал нервно ходить туда–сюда по комнате. — Мы с Оксаной любим друг друга и… Да зачем я тебе всё это объясняю?

— Нет, ты мне всё–таки объясни, объясни!

— Тронутые вы оба, — заметил ТДК. — Феникс, можно я закурю?

— Закури. И мне дай.

Все трое закурили. Феникс открыла форточку и выжидающе уставилась на Женю.

— Хорошо, я объясню, — прошипел тот. — У Ксюши были проблемы с половым аппаратом. Я хотел, чтобы, когда мы занимаемся любовью, ей тоже было хорошо. Я не эгоист. Поэтому мы пошли к гинекологу, и он вживил ей этот чип.

— Любовью они занимаются! — саркастически закивала Феникс. — Проблемы с половым аппаратом… Понятно–понятно. Врёшь ты всё, любовничек. Или страдаешь недостатком информации. Я с Ксюшей твоей обсуждала как–то эту тему и всё у неё там нормально было, просто ты кончаешь быстро, а она не успевает. Может, она тебя просто в смущение повергать не хотела, потому и сказала, что у неё какие–то там проблемы, но знай — это совершенно не соответствует истине. Плохо ты знаешь женскую психологию, Женечка. А теперь она знаешь как тащится — твоя Ксюша! Ещё покруче, чем я от «тока». Так что каждому своё, Женя. Да, я прекрасно понимаю, что то, что со мной происходит сейчас, это ненормально, и я буду пытаться бросить это. Но вся проблема в том, что у меня образовалась физическая зависимость и без этих импульсов меня ломает, а твоя Ксюша себе чип поставила только для того, чтобы переться как… Знаешь, иногда говорят «как удав по стекловате». Разницу чуешь?

— В таком случае, если уж ты всё так повернула, скажи мне, пожалуйста, зачем ты вообще поставила нейропорт, если не для того, чтобы — как ты выразилась — тащиться?

— Просто поставила и всё. И я сказала не «тащиться», а «переться».

— Это не ответ.

— Ответ.

— Всё с тобой ясно, — резюмировал Женя.

— Ну что, успокоились? — поинтересовался ТДК.

— А я всегда спокойная, — пожала плечами Феникс.

Оба парня фыркнули. Феникс встретилась взглядом с ТДК (он был в их группе гитаристом, а Женя — барабанщиком), и он ей грустно улыбнулся. Ей захотелось заплакать. Я падаю в бездну, подумала она, а все только и знают, что меня поучать. Поучать легко, нет чтоб как–то помочь. Хотя бы схватить меня за волосы и

втащить наверх, пусть даже я буду орать и сопротивляться. Но нет, они предпочитают только обвинять. Да, чёрт возьми, я наркоманка, а ещё я просто глупая уставшая от всего женщина, которая во всём запуталась. Я сама во всём виновата, и когда–нибудь я завяжу. Но не сегодня. Надо будет вечером к Таньке смотаться — вдруг у неё что есть?

— Значит, на репетицию тебя сегодня не ждать? — спросил Женя.

— Блин, ну ты вот опять специально же до меня докапываешься! Сказало же ясно: приду.

— Ну чё, пойдём? — обратился Женя к ТДК.

— Ты иди, а я с ней ещё поговорю немножко.

— Я тебя возле подъезда подожду тогда, — сказал Женя и ушёл.

— И что ж тебе надо, голубь ты мой сизокрылый? — поинтересовалась Феникс у ТДК, когда они остались вдвоём.

— Ты песни–то ещё все помнишь?

— Да вроде все.

— Лариса, если мы тебе можем чем–то помочь, то ты скажи.

— Не называй меня Ларисой, пожалуйста.

— Ладно.

— Чем можешь помочь? — Феникс усмехнулась. — Дай тридцать рублей.

— Не дам.

— А двадцать?

— И двадцать не дам.

— Ну, тогда ты мне ничем помочь не можешь, — сделала она вывод.

«Нет, можешь, — добавила Феникс про себя. — Просто мне нужно как–то попросить об этом, признаться в том, что мне действительно необходима помощь. Но я боюсь показаться слишком слабой, я не хочу никого ни о чём просить. Тем более, тебя, потому что ты сам предлагаешь помощь. Наверное, я дура. Нет, не наверное, а точно. Скажи, скажи ему, чтобы он тебе помог! Он ведь тебе нравится, не так ли? Да, но… Но я лучше умру, чем попрошу его о чём–нибудь».

Неожиданно она заплакала, причём, с каждой секундой интенсивность её плача всё нарастала. Феникс повалилась на кровать лицом вниз. ТДК присел рядом; она двинула его ногой.

— Лариса…

— Да я же тебе ясно сказала: НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЛАРИСОЙ! — закричала Феникс, снова вскакивая и чувствуя, что слёзы прямо так и льются по её щекам, к тому же левая щека дёргается в нервном тике. — Ты чё, тупой, да? Ты чё, тупой, если таких

элементарных вещей не понимаешь? Нет, ну чё ты вылупился, чё ты вылупился? — она вновь рухнула на кровать. Ей было стыдно, что она ревёт тут перед ним, но остановиться было невозможно.

Итак, Феникс лежала на животе и, заслонив лицо руками, плакала.

В дверь позвонили.

— Открыть? — спросил ТДК.

— Не надо.

— Вообще–то она и так открыта, — пробормотал ТДК. — Или Женя опять булавкой закрыл?

— Она у меня захлопывается, — Феникс присела и, вытерев лицо рукавом халата, мрачно посмотрела на него. И чего пристал, спрашивается? Фу–у, истерика вроде прекратилась. Сейчас бы капсулку… Хотя бы на вольт…

Опять звонок. Феникс насторожилась. Это, поди, или Герберт, или кто–то из его людей. Открывать нежелательно. А завтра я им всё отдам, подумала она.

— Лариса…

— Слушай, ну ты точно тупой, — вздохнула устало Феникс. — И в голове у тебя не мозги, а хрен поймёшь что. Ты тормоз, осознаёшь?

Он усмехнулся. По херу ему, подумала Феникс. Знает ведь, сволочь, что я не всерьёз это говорю. А вот Женя — свинья последняя. И ведь это всё началось с мэриного дня рожденья. Да я лучше умерла бы, чем ему дала — он на Пушкина похож, терпеть не могу кудрявых и с бакенбардами. И сам он онанист! Ничем подобным я не занимаюсь, хотя пробовала, конечно. Искусственная нейростимуляция — это, по–моему, совсем другое. Зачем возиться с кем–то (чем–то), если можно влиять на центр удовольствия напрямую через мозг? Но злоупотреблять этим, конечно же, не следует. А я именно злоупотребляю. Это зависимость, натуральная зависимость. Но мне это нравится. Нет, не нравится. Нет, нравится. Но ведь ты наркоманка, Лари… Феникс! Ну и что? А то. Ты уже сдаёшь по дешёвке свои вещи, ты бы и гитару уже давно продала, если бы она лежала не в ДК и не была бы такой большой. А вот блок питания маленький был, как раз за пазухой поместился. Догадались же… А вот бас за пазуху не спрятать. Хотя почему я должна его прятать? Он мой, так что что хочу, то с ним и делаю. Хочу — играю, хочу — не играю. Захочу — продам.

Ей вспомнились несколько последних репетиций. Играла она уже без особого воодушевления, лишь бы — как бы, к тому же постоянно сбивалась. Раньше всё было по–другому. И дёрнуло же её поставить этот нейропорт!

— Дай тридцать рублей, — снова попросила она.

Звонивший, похоже, уже ушёл.

— Извини, но не дам.

— Чё, жалко? — прищурилась Феникс.

— Тебя, а не деньги.

— Слушай, да не надо меня жалеть! Мне уже двадцать четыре, и я сама прекрасно понимаю, что к чему. Сейчас мне нужен «ток», но вообще я пытаюсь завязать. Я уже сбила дозу на полвольта, — соврала она. — Ну дай денег, а?

ТДК помотал головой. Иногда ей казалось, что он тоже тянется к ней, но — как и она — не решается сделать первый шаг. ТДК был на год её младше и учился на каких–то курсах по трансперсональным психотехникам, к тому же он писал основную часть музыки для их группы (тексты сочинял Марат, вокалист). Вообще в их «Базовые перинатальные матрицы» Феникс попала чисто случайно. До этого она играла в «Смерть президенту», но потом те развалились из–за вечных конфликтов друг с другом, и она осталась без дела. А в общем и целом она любила бас, любила хороший жёсткий панк с социальными текстами (то, что они играли сейчас, панком было назвать трудно). Вот именно что «любила». А сейчас ей на всё плевать, правильно Женя сказал. На всё, кроме «тока». Даже плейер — и тот продала.

Она решила немного изменить тактику.

— Слушай, ТДК, ты ведь у нас анархист, так?

Похоже, он сразу заподозрил подвох, но пока молчал. Она продолжила развивать свою мысль:

— Ваша идеология гласит: полная свобода действий плюс… Короче, делай что хочешь, но только не мешай и не ограничивай при этом свободу других. А ты ограничиваешь. Что это за анархия тогда, если я не могу делать то, что я хочу?

— Слушай, ну ты же сама понимаешь, что чушь городишь. Скажи, понимаешь ведь?

— Ну, понимаю, — вынуждена была признаться Феникс. Врать она не особо любила, хотя иногда (особенно в последнее время) ей поневоле приходилось это делать. — И тем не менее, ты не прав. Не хочешь давать деньги — так вали, чё сидеть–то?

Он закурил и угостил сигаретой и её.

— Морда, поди, опухшая, да? — мрачно спросила Феникс.

— Да я бы так не сказал. Слушай, неужели ты не можешь как–то это перебороть? Слезают же люди с героина… Ты же умная девушка и понимаешь, что к чему. Если бы ты была действительно обычной, то я бы к тебе не прикапывался, но ты ведь сама психолог по образованию и далеко не дура.

— Это невозможно перебороть! — выкрикнула (чуть ли не

взвизгнула) Феникс, снова начиная плакать. Понимаешь, невозможно! Ты даже понятия не имеешь, о чём говоришь! Тот же самый героин — просто невинный белый порошок по сравнению с «током»! Легко говорить, когда сам не пробовал! Просто, когда я поняла, во что вляпалась, было уже поздно, поздно, поздно! Ну чё ты на меня так уставился? Нет, это надо же — тридцать рублей зажал! — она начала нервно смеяться. — Слушай, парниша, а как тебе такой вариант: можешь меня трахнуть, если хочешь, за эти тридцать рублей. Или я в рот у тебя возьму, — она почему–то надеялась, была уверена, что он согласится. — Ну как?

— Господи, Феникс! — такое впечатление, что ТДК сам готов был расплакаться. — Господи, что с тобой стало! Да отцепись ты от меня! — он отшвырнул её руки, тянущиеся к его ширинке. — Да на ты, на эти свои тридцать рублей! — он вытащил из джинсовки несколько бумажек и бросил в неё. — Нет, я не понимаю, как можно так опуститься?

Феникс пересчитала бумажки. Их оказалось чуть больше, чем было необходимо.

— Здесь сорок пять, — сказала она, протягивая ему пятнашку. — Возьми, а эти тридцать я тебе дня через два отдам.

— Поди, у кого–нибудь другого…, — начал было ТДК, но осёкся, поняв, что сказал не то.

Успокоившаяся было Феникс снова завыла белугой, повалилась на диван и принялась бить кулаками по кровати, мять покрывало. Ну и дура же она! Что он теперь о ней подумает? В его глазах она обычная наркоманка, зарабатывающая на очередную дозу проституцией — и попробуй докажи, что это не так. Но действительно ли это не так? Феникс поражалась сама себе: она одновременно истерично ревела и занималась решением сложных психологических задач. Я не считаю себя наркоманкой и проституткой, думала она, но ведь то, чем я занимаюсь — это по существу и есть то, что принято называть наркоманией и проституцией. Просто о последнем мало кто знает… Нет, я не проститутка, я не шлюха, внушала она себе, просто иногда так получается, что я вынуждена идти на это. Я это делаю не ради себя, а ради… ради чего? Ради кого, если не для себя? Боже, я терпеть не могу этот дурацкий секс, это так по животному. Все мужики — твари, им нужно от тебя только одно: засунуть в тебя, кончить и свалить. И ты просто заключаешь с ними бартерную сделку: они дают тебе деньги, ты им — то, что они просят. А ведь ТДК прав: я даже сама не понимаю, что со мной стало, насколько низко я опустилась… И несмотря на всё это, я почему–то считаю, что я чем–то лучше тех малолетних (и не только) шлюх, которые идут на то же самое ради дозы «тока».

Но чем я лучше? Тем, что у меня высшее образование, что я играю в группе, что я читаю книги? Но, может, у них тоже есть высшее образование, может, они тоже читают книги, просто зависимость от энергокапсул куда сильнее здравого смысла, и они точно так же тяжело, как и я, переживают свою деградацию, ничего не в силах с этим поделать. А ведь это сейчас самый популярный наркотик, хоть и запрещённый законом…

— Эй, Феникс, извини, — забормотал рядом с ухом ТДК. — Это случайно вырвалось, я не хотел, — он попытался погладить её по голове.

Она только хотела обнять его и во всём признаться, как снова позвонили в дверь.

— Поди, Женька, — сказал ТДК. — Булавку, что ли, потерял?

Он ушёл открывать, хотя Феникс его об этом не просила. Скоро он вернулся, причём, кажется, не один.

— Лариса, тут тебя ребята какие–то спрашивают.

Она вынуждена была присесть. Вот теперь–то точно морда вся опухшая. Рядом с ТДК стояли гербертовские шестёрки, всех их она знала достаточно хорошо. Макс — здоровенный шкаф с ничего не выражающим лицом, на котором особенно выделялись квадратные челюсти, вечно жующие жвачку; Ли — высокая китаянка (эмигрантка), обладающая чёрным поясом в каком–то виде восточной борьбы и с помощью генетического дизайна изменившая разрез глаз под евростандарт; Волк — худощавый мрачный тип с уклоном в садизм. Все они внимательно смотрели на Феникс.

— Паша, — обозрев всех собравшихся, обратилась она к ТДК, одновременно вытирая слёзы, — у тебя случайно нет с собой трёх сотен? Я потом отдам.

— Трёх сотен? — брови ТДК взлетели вверх. — Нет. А что? — впрочем, буквально тут же на его лице нарисовалось понимание.

Шакалы Герберта по–прежнему стояли молча. Им не было нужды говорить. У Ли вокруг головы был аудио–обруч, подключенный к инфогнезду на левом виске, и она легонько покачивала головой в такт музыке. Феникс ненавидела её больше всех.

— А сколько есть? — интонации её голоса были чисто бытовыми и лишёнными всяческого намёка на характер сложившейся ситуации, словно ТДК был отцом, а она — дочерью, и она спрашивала у него денег на книжку, как это часто бывало, когда она ещё жила с родителями.

— Рублей пятьдесят.

— Дай мне их, пожалуйста, если тебе не трудно.

Он дал. Она добавила к ним тот тридцатник, что он дал ей до

этого, и итого оказалось восемьдесят семь. Феникс протянула деньги Максу.

— Восемьдесят семь, — сказала она виновато.

— А остальные?

— Может, чем–нибудь другим возьмёте? Книгами могу отдать…

Волк начал смеяться. Ли расплылась в улыбке. Даже вечно хладнокровный Макс — и тот перестал жевать свою жвачку и начал странно дёргать губами.

— Ты что, подруга, издеваешься? — выдавил наконец он (Макс). — На хрена нам твои книги? Что мы с ними делать–то будем, ты подумала?

— Читать, — предположил Волк.

Это вызвало целый взрыв смеха. На ТДК Феникс старалась не смотреть.

— С тебя ещё двести двадцать три, — сосчитал наконец Макс.

— Двести тринадцать, — поправила его Ли. Говорила она с лёгким акцентом. — Макс, тебе нужно срочно записаться в вечернюю школу.

Они снова заржали. Что–то сегодня они слишком весёлые, подумала Феникс. Её всю трясло.

— Извините, мадам, с вас ещё двести тринадцать рублей ноль ноль копеек, — исправился Макс.

— У меня нет таких денег.

— Ты плохо слышишь?

— Да где ж я возьму эти ваши двести тринадцать рублей? — закричала Феникс. — Нет их у меня сейчас! Завтра будут, — добавила она поспокойней. — Вы можете подождать до завтра?

— Услуга за услугу, — прищурилась Ли.

Феникс знала, какие услуги нужны китаянке и этим двум ублюдкам. Уже два раза она вынуждена была идти на это ради отсрочки выплаты долга. Но делать это при ТДК? Ни за что! Господи, они же видят, что я не одна!

— Я не хочу, — сказал Волк. — Если тебе она лижет хорошо, то миньетчица из неё поганая.

— А мне нравится, — пролепетал Макс, имитируя маленького ребёнка.

Они опять принялись ржать.

— Послушайте, вы можете хоть раз поступить как нормальные люди? — Феникс вдруг вновь почувствовала себя удивительно спокойной и безмятежной. — Вы что, не видите, что у меня здесь человек, гость? Он в эти дела не посвящён и вам не стоило говорить всё это при нём. Неужели у вас нет никакого чувства такта, уважения?

— Уважения? К таким, как ты? — скривился Волк.

— Хотя бы к таким, как он.

ТДК стоял молча и скромно. Все посмотрели на него. Он почесал голову и уставился в окно. Наверное, я сегодня покончу с собой, подумала Феникс.

— А кто он такой? — скривился снова Волк. — Пахан, что ли? Эй, приятель, ты тут чё, пахан?

Только этого ещё не хватало!

— Что есть в твоём понимании «пахан»? — осведомился ТДК.

У всех отпали челюсти от такой постановки вопроса.

— Э…, — выдавил наконец Волк, но на этом и затих. Феникс хихикнула.

— Короче, деньги давай! — вмешался Макс.

— Я же сказала: нет у меня денег. Завтра отдам. Точно.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Двести тринадцать плюс откупные, — напомнила улыбающаяся Ли и тут же поспешила добавить: — Если уж ты стесняешься своего кавалера, то перенесём это на завтра.

— Завтра, — сказал Волк, — мы придём к тебе в это же время. А сегодня мы это… как ты там говорила… проявим такт и уважение.

— Только не говори потом, что мы плохие! — погрозила ей пальцем китаянка.

— А у вас с собой что–нибудь есть? — быстро спросила Феникс.

— Ну ты даёшь, — пробормотал ТДК.

— Ты же знаешь, подруга, мы это дерьмо не распространяем, — сказал Макс. — Но и даже если бы распространяли, то тебе не дали бы. Короче, скажи спасибо, что мы сегодня добрые. В общем, до завтра. Ах да, и учти: в случае… короче, если ты и завтра нам не заплатишь, мы будем злыми и нетактичными, — и он направился в коридор.

Волк хлопнул ТДК по плечу («До встречи, пахан!») и, хихикая, удалился за ним. Ли послала Феникс воздушный поцелуй, после чего удалилась тоже. Скоро за ними хлопнула дверь.

— Там тебя Женя, наверное, заждался, — как бы в пустоту бросила Феникс.

ТДК встал и тоже ушёл. Молча. А она даже не попыталась его остановить.

- 2 -

Поев через силу печенья с кофе, Феникс закурила и задумалась над вставшим перед ней серьёзным вопросом: идти или не идти на репетицию. С одной стороны, она хорошо понимала, что поступает не совсем правильно, игнорируя подобные мероприятия (участия в которых были — несмотря на свободу воли каждого члена группы — обязательны, поскольку без одного винтика машина работала уже не так слаженно, как могла бы работать), но имелась ещё и другая сторона проблемы, и эта сторона напрямую касалась её зависимости от нейростимулятора. Внизу живота начинало ныть всё сильнее, и с каждым днём эти боли становились всё сильнее. Чем дальше, тем меньше удовольствия приносили энергокапсулы, но они по крайней мере хотя бы снимали боль, а при больших дозах эффект нечеловеческого экстаза всё же был достижим. Насколько знала Феникс, существовало четыре стадии развития болезни, четыре категории «больных»:

1) «Школьники» — те, кому только недавно вживили нейропорт. По глупости своей они считают, что могут успешно противостоять формированию устойчивой зависимости с дальнейшим физическо–моральным истощением. Кайф от «тока» ничем не загрязнён — оргазм в чистом виде, длящийся от пяти минут до получаса, причём, непрерывно (иногда волнообразно). Феникс эту стадию миновала месяца четыре назад; она даже графики всякие вычерчивала. Среди «школьников» широко распространены сексуальные оргии, сопровождающие приём препарата, для усиления чувствительности.

2) «Куколки». Итак, поле вспахано, пора сеять семена. Наркоманы продолжают уверять себя в том, что в любой момент могут отказаться от электрической стимуляции гипоталамуса, и эта стадия — последняя, когда возможность завязать объективно реальна. Но дело в том, что не многие решаются на это. Именно на стадии «куколки» возникает тенденция увеличивать дозу, поскольку возрастает барьер толерантности. Суживается круг общения, тогда как те же «школьники» (иногда их называют и «первоклассниками»), наоборот, стремятся расширить круг знакомств, что очень выгодно для их оргий. {Тут уместно будет сообщить, что — поскольку электростимуляция мозга официально запрещена и карается законом (для торговцев и хирургов от десяти до тридцати лет лишения свободы, для наркоманов — принудительная операция по извлечению инородного тела из головы плюс последующий обязательный

курс лечения в государственной терапевтическо–трудовой колонии) - токеры носят на головах либо вязанные шапочки, либо банданы, либо разные повязки, чтобы скрыть нейропорт от постороннего взгляда. Так же очень распространены и ложные псевдоукрашения, имитирующие популярные вживления в плоть: звёздочки, узоры и т. д. Многие считают, что эта мода на межбровные украшения была введена производителями «тока». } Иногда у нейроманов (этот термин более объективен, чем термин «наркоман» и больше говорит по существу дела; часто употребляется в медицинской литературе) возникают боли в паху, но на них не обращают особого внимания. Интерес к физическому сексу постепенно угасает.

3) «Комсомольцы» — именно «комсомолкой» и была сейчас Феникс. Нейроманы становятся очень активны в поисках дозы, поскольку без неё чувствуют себя очень неуютно. Собственная зависимость понемногу начинает осознаваться, но по большому счёту им уже плевать. Рост дозы требует дополнительных денег. «Комсомольцы» часто грабят, некоторые с готовностью идут на убийство. Имеют место социальная дезадаптация, соматические нарушения, синдром абстиненции («ломки»). Рассмотрим ситуацию на моём примере, думала Феникс, пялясь в небо за окном. В день мне нужно минимум вольт пятнадцать: утром, в обед и вечером. Иначе всё начинает ныть, болеть, а приятного в этом мало. Прямо места себе не находишь. Некоторые считали, что этому может помочь секс, но это было ложным предположением. А «ударишься» («зарядишься») - и всё приходит в норму, хотя при небольших дозах уже никаких оргазмов как таковых нет. Но боль исчезает, появляется чувство лёгкой эйфории и иллюзорной уверенности, что ничего страшного с тобой не происходит, что всё нормально, что ты не наркоманка. В таком состоянии можно и на репетиции ходить. Вылечиться — реально, но нужно много денег на восстанавливающую витаминотерапию, а в бесплатные государственные лечебницы никто добровольно сдаваться не хочет — там, говорят, ещё хуже, чем на зоне.

4) «Выпускники» («зомби», «трупы») - логичный финал, к которому приходит любой «комсомолец». Ходячие трупы, которым на всё плевать, только бы убрать боль. Говорят, у одного токера боли были такие, что ему даже две параллельных получасовых капсулы не помогали. Этого Феникс боялась больше всего. Где тогда брать деньги? Никакие социальные и прочие вопросы «выпускников» больше не волновали. Однажды Феникс была в гостях у одного парня, находившегося на последней стадии и потом ей несколько дней снились кошмары. К слову,

большинство представителей мужского пола предпочитают «заряжаться» либо в ванне, либо надевают презервативы (зачастую оргазм происходит у них при отсутствии эрекции), но «выпускников» такие вопросы уже не беспокоят: у них либо вообще перестаёт вырабатываться семенная жидкость, либо им уже плевать на вопросы личной гигиены. У девушек с этим немного проще.

Пятой стадии аддикции (зависимости) не существовало. В один прекрасный день «выпускников» просто находили мёртвыми. «Ток» убивал человека куда быстрее, чем героин, винт и прочие стимуляторы искусственного наслаждения. В среднем, весь путь от «школьника» до «зомби» занимал около восьми месяцев. Феникс на «ток» подсела в апреле, а сейчас был сентябрь, и если всё и дальше будет продолжаться в таком же духе, думала она, то приглашаю вас всех на мои похороны.

Отношения между представителями всех четырёх категорий были весьма натянутыми; каждый предпочитал общаться с себе подобными. «Школьники» и «куколки» взирают на «комсомольцев» с некоторой долей брезгливости, будучи на сто процентов уверенными, что с ними ничего подобного не произойдёт. «Выход у меня ещё есть, — размышляла Феникс. — Найти денег на операцию и вытащить этот шунт, а потом попытаться вытерпеть пытки абстиненции и жрать витаминов побольше. Но обратная операция гораздо сложнее, чем операция по вживлению порта, и существует семидесятипроцентная вероятность того, что после неё у тебя будут проблемы с головой. Куда проще продолжать «заряжаться», ибо в любом случае я и так и так умру, ведь смерть — это закономерный финал любой жизни. Какая разница: сейчас или потом?» Но несмотря на такие вот мысли, ей всё же хотелось жить, хотя она и понимала, что надеяться на что–то хорошее уже бесполезно. Скоро комсомолка закончит школу…

Посмотрев на часы, она выявила, что уже начало седьмого. Боль внизу живота возникала волнообразными приступами. На репетицию, наверное, мне сегодня опять попасть не удастся, пришла к выводу Феникс. И вообще, как теперь там появляться, ведь ТДК всяко им всё про неё рассказал… А, хрен с ними! Но вот как бы бас забрать? Бас классный, японский, его можно спихнуть рублей за четыреста–пятьсот.

Сбросив халат, Феникс облачилась в потёртые джинсы, маечку с танцующим Шивой и старую кожаную куртку со сломанным замком, после чего натянула на голову тоненькую чёрную шапочку — так низко, что она даже наполовину скрывала глаза, поправила перед зеркалом свисающие из–под неё пряди

обесцвеченных волос… А потом сунула в пакет видеофон и покинула квартиру.

- 3 -

Путь Феникс лежал к Таньке Лисиной. До неё нужно было добираться на метро. «Надеюсь, она дома, — думала Феникс, быстро шагая по тротуару. — Может, у неё что–то и есть, а если нет, то вдвоём что–нибудь да сообразим». Уже сидя в электричке, она вновь погрузилась в воспоминания, вернувшись на несколько месяцев назад в своё прошлое. С работы она тогда уже уволилась (работала психологом–консультантом в центре реабилитации трудных подростков), но в «Матрицах» уже играла (из всего состава она раньше была знакома только с Маратом). Лоб у неё тогда был девственно чист, без нейропорта, но вот–вот она собиралась его себе вживлять. Подпольная операция стоила всего пятьдесят рублей, и теперь Феникс понимала, что такие низкие цены сделаны исключительно для того, чтобы посадить на «ток» как можно больше народа. Наркодельцов абсолютно не беспокоил вопрос быстрой смертности среди потребителей их продукции — их интересовали только деньги. Милиция смотрела на всё это сквозь пальцы, и иногда даже сама помогала распространять капсулы, ибо за это неплохо платили. Бывало, они, конечно, и забирали в участок каких–нибудь токеров, которых угораздило затеять криминал или зарядиться в общественном месте, но потом их сразу же отпускали, правда, порой сильно покалеченными. Месяц назад Феникс с Танькой тоже как–то загремели в ментовку, где пятеро мусоров принудили их к групповому сексу, пообещав взамен десять капсул по девять вольт. Никаких капсул они, конечно же, не получили. Менты — сволочи, сделала вывод Феникс, отбивая пальцами рук какой–то рваный ритм. И не только менты, но и все мужики. И бабы. Все. И я тоже.

Решение вживить нейрошунт с портом для энергокапсулы Феникс вынашивала около месяца. Во–первых, тогда ей было это интересно как психологу: проверить на себе процесс возникновения зависимости и попытаться осмыслить его более объективно. Как и большинство людей, она считала, что все статьи об опасности «тока» являются обычной антинаркотической пропагандой, и данные в них сильно преувеличены, поскольку во многих подобных статьях даже безобидная марихуана преподносилась как страшнейший наркотик, вызывающий чудовищную зависимость и разные болезненные ощущения — вплоть до рвоты — во время интоксикаций. Во–вторых, она почему–то всегда старалась избегать интимных отношений с парнями, хотя несколько раз (преимущественно, по пьянке) и

вступала в половую связь. Но само ощущение оргазма ей нравилось, а именно это и обещал «ток». Не нужно было возиться в постели, позволять кому попало засовывать в себя всякие штуки и сопеть над ухом, а потом засыпать, не сказав ни слова благодарности за доставленное удовольствие. Что ж, вначале энергокапсулы давали ей то, что она хотела. Но постепенно подскочила планка толерантности, ей стало требоваться всё больше вольт для подзарядки, потом появились эти боли… Сама не заметив того, Феникс превратилась в наркоманку, хотя собственная репутация волновала её уже не так сильно, как, допустим, месяц назад. Были, конечно, дни, когда она осознавала всю глубину своей деградации, но всегда придумывала различные оправдания, стараясь избавиться от подтачивающего её изнутри чувства вины. Что касается Лисиной, то с ней они познакомились в июне; до этого Феникс была нейроманкой–одиночкой, наивно считающей, что она намного чище и лучше, чем все эти уличные токеры. И лишь сегодня она поняла, что ничем от них не отличается. В психиатрии это называлось «анозогнозия» — нежелание и неспособность индивидуума признать наличие тяжёлой зависимости. С Танькой она впервые пересеклась на драгс–точке и сразу почувствовала в ней родственную душу; девушки разговорились, вместе «ударились» у Феникс дома… Танька была бывшей хиппи /бывшей буддисткой/ бывшей шиваиткой (майку с Шивой Феникс подарила именно она), теперь экспериментировавшей с «током». В прошлом она так же частенько практиковала участие в групповых оргиях под воздействием каких–либо психоделиков (это считалось обязательным ритуалом в некоторых направлениях шиваизма), но сейчас различные виды сексуальной активности, кроме мононаслаждения посредством нейростимуляторов, были ей безынтересны, но — как и Феникс — она была вынуждена иногда идти на это ради лёгкого и быстрого заработка на очередную дозу. Бывало, она сочетала «ток» и ЛСД, «ток» и «экстази», пытаясь получить как можно более сильный эффект; правда, в последнее время подобные эксперименты были отброшены ею в связи с финансовыми проблемами.

Скоро Феникс уже звонила в дверь её квартиры. Это была коммуналка с совершенно ужасными соседями, подавляющая часть которых имела стойкую зависимость от алкоголя и хотя бы одну судимость. Открыл Толик, приземистый бородатый тип неопределённого возраста, торгующий на рынке ворованными кошельками.

— Танька дома? — поинтересовалась Феникс.

— Дома, заходи.

Она зашла. Толик снова закрыл дверь и удалился в свою комнату, откуда доносилось чьё–то пение под гитару. Феникс постучала в дверь комнаты Таньки. Скоро та соизволила открыть.

— А, привет! — воскликнула она. — Залазь!

Что–то она была слишком радостная. Блин, что–то все сегодня какие–то весёлые… Поди, зарядилась только что. В паховой области ломило всё сильнее.

— У тебя есть что–нибудь? — с ходу спросила Феникс.

— Было. Было. Но сплыло! — развела руками Танька. — Четыре вольта.

— А где взять, не знаешь?

— А ты что, сама не в курсе?

— Я в курсе, но у меня напряжёнка с финансами. Только что меня навестили гербертовские шестёрки, я им должна ещё двести рублей. Может, у тебя всё–таки есть немножко?

— Немножко, — призналась Танька, доставая из стола капсулу. — Там всего вольта два осталось.

— Хоть два, — Феникс протянула к ней дрожащую руку. — Я тебе потом отдам.

— Да ладно, чего уж там! — махнула рукой Танька.

Феникс вставила капсулу в порт, откинулась на спинку дивана. Микромеханизмы тут же тихо зажужжали, втягивая капсулу внутрь головы. Послышался тихий щелчок. Феникс прикрыла глаза, всецело отдавшись переживанию. Внутри быстро нарастало сладкое ощущение приближающегося оргазма, боль начала отступать, что заставило позабыть о всяких неприятностях. Самое обидное, что интенсивность эйфории так и осталась на том же уровне: казалось, оргазм где–то рядом, но тем не менее он недосягаем до неё. Ещё бы — всего два вольта. Для полноценного переживания ей было необходимо сейчас не менее семи–восьми вольт, но лучше так, чем никак. Левой рукой Феникс принялась массировать низ живота, что ещё быстрее изгоняло ноющую боль. Господи, как хорошо… Хотя могло бы быть и лучше…

Минуты через четыре заряд капсулы был полностью исчерпан, сервомеханика порта вновь зажужжала, отторгая пустышку. Феникс ещё некоторое время посидела на диване, не двигаясь. Ей вдруг вспомнилась история об одном токере–электрике, который пытался сделать приспособление, позволяющее потреблять энергию из сети на 220, но преобразованную благодаря различным конденсаторам… В итоге, он засунул себе в голову какие–то проводки, врубил это своё устройство (нечто вроде блока питания) и теперь всё время заикается и страдает энурезом. Феникс не знала, правда ли это

или просто притча, но особой роли это не играло. Впрочем, был ещё один случай, звучавший гораздо более правдоподобно: ещё один токер просто–напросто сунул себе в нейропорт провод на 220. Естественно, он тут же и умер.

Открыв глаза, Феникс увидела, что Танька, сидя за столом, что–то пишет.

— Чё пишешь? — поинтересовалась она.

— Письмо.

— Терпеть не могу письма писать.

— Зря.

Почувствовав прилив бодрости, Феникс поднялась и начала ходить по комнате. Никаких неприятных ощущений больше не было, она вновь могла чувствовать себя нормальным человеком. Было начало восьмого. В принципе, можно было бы смотаться на репетицию, но, если честно, ей не хотелось сейчас дёргать за струны и находиться в обществе тех, кто сурово её осуждает. А с Танькой никаких диссонансов у неё не возникало.

— Не знаешь, кому видеофон загнать можно? — поинтересовалась наконец Феникс.

Танька снова оторвалась от писанины и посмотрела на неё.

— Ты мне пустышку–то верни.

Хитрая акция Феникс провалилась, и пришлось ей пустую капсулу вернуть. Впрочем, Танька на такой нетактичный ход с её стороны ничуть не обиделась. Она и сама бы поступила так на её месте.

— Видеофон? — удивилась она. — Ты свой, что ли, продаёшь?

— Ну, вот он в пакете.

— Зря. Полезная вещь.

— Да а кому звонить–то?

— Если так, то да… Не надо было с работы увольняться.

— Теперь и сама жалею.

Сама Танька работала внештатным корреспондентом в «Молодости Сибири»; почти всю зарплату она тратила на «ток». Было ей двадцать два, она пока не покинула «куколку», но вот–вот уже была готова сделать это. «У неё, поди, ещё где–нибудь пара капсул припрятана на всякий случай, она ведь как сорока, — думала Феникс, опираясь на подоконник и устремляя взгляд в окно (она обожала смотреть в окна). — Что–то слишком уж легко она с этими двумя вольтами рассталась. Слишком уж легко…»

— Ты пока меня не отвлекай, а я письмо допишу быстро, — обратилась к ней Танька. — Полстранички осталось.

Феникс снова села на диван и смежила веки. Как плохо, думала она, что начинающие токеры не имеют никакого

представления о реальной стороне дела. Для них нейропорт — это ворота в рай; подлинную же его сущность они различить ещё не в состоянии. Ореол запретности притягивает их как магнитом. Впервые «ток» появился у них в Энсибе полтора года назад, сейчас же наблюдался самый пик его популярности. Многие считали (были уверены), что он вообще не вызывает зависимости, причём, наркоторговцы этот миф развеивать не спешили. Смертность пока ещё была не очень высокой, и для основной массы нейроманов летальный исход от «тока» был равноценен летальному исходу от анаши. То есть, они в это не верили. О будущем никто из них серьёзно не задумывался, с «комсомольцами» и «зомби» новички практически не пересекались; даже Феникс — токер со стажем — и та за всю свою практику видела всего двух «выпускников», хотя по самым минимальным подсчётам их должно было уже насчитываться не меньше двух сотен. Где они все прятались? Когда и как приобретали товар? На что? Этого Феникс не знала.

— В туалет у тебя можно сходить?

— Сходи.

Феникс покинула комнату. В туалете спал какой–то пьяный мужик. Она легонько ткнула его ногой — он лишь всхрапнул. Закрыв дверь на задвижку, Феникс осторожно присела на унитаз, сделала своё дело и вновь вернулась в комнату Таньки.

Та уже запечатывала конверт.

— Там мужик какой–то спит, — сказала Феникс.

— А, это, наверное, Фёдор Степаныч. Он всё время, как нажрётся, то там дрыхнет.

— Извращенец какой–то… Ну что, давай загоним кому–нибудь видеофон? Рублей за сто пятьдесят.

— Да ты чё — за сто пятьдесят! Китайские сейчас стоят сотню, а гораздо лучше новый купить. У тебя какой?

— «Филипс», таиландский.

— Ну, как раз за сотню и можно попытаться спихнуть. Только кому?

— Может, твоим знакомым каким–нибудь надо?

— Да вряд ли. Ко мне тут девчонки знакомые заходили, тоже на «токе» сидят; они говорят, тут пацаны есть одни, работают на мафию (так, мелкий рэкет), они за миньет по пятнашке платят.

— А чё так мало?

— Сколько дают.

— Хотя бы двадцатку…

— Ну–у, — развела руками Танька.

— Знаешь, — призналась Феникс, — надоело мне это. Одно дело — «ток», другое — этих тварей ублажать. Противно мне это.

Я когда–нибудь его кому–нибудь откушу, точно.

— Любишь кататься, люби и саночки возить.

— Только сегодня я поняла, что для окружающих являюсь обычной шлюхой.

— Только сегодня? — усмехнулась Танька. — А я про себя это уже давно поняла. И ничего.

— Ну, ты–то шиваитка. А я никогда этим особо не увлекалась. Так, по праздникам, — она усмехнулась как бы в ответ. — Я даже свысока на этих шлюх вокзальных всегда смотрела. А тут подумала: а я–то сама чем лучше? Причём, сегодня об этих моих занятиях стало известно ребятам из нашей группы. Ты знаешь, как мне стыдно было? Слушай, Танька, а давай хотя бы этим бросим заниматься! Можно каким–нибудь другим способом деньги доставать.

— Интересно, каким?

— Ну, не знаю…

— Вот и я тоже. А это — самый быстрый и, в принципе, неплохо оплачиваемый способ. И не зацикливайся ты так на этом «противно». Просто не думай об этом, и всё.

— Не могу я не думать, — призналась Феникс. — У меня психотип такой: я всё время о чём–нибудь думаю. И вот когда я сосу, я думаю, что очень хотела бы ка–ак его укусить!

— Больная ты! — рассмеялась Танька. — Чё такого? Всё равно весь этот мир — иллюзия, так что для твоего «я» нет никакой разницы, чем занимается тело. Не привязывайся ты к этому так сильно! Реален лишь Брахман, и мы — часть этого Брахмана.

— Ну, я так не считаю…

— А вот это уже — твои личные проблемы, — тут она пропела какую–то шиваитскую мантру. — Ну так что, тебе на завтра «ток» нужен или нет?

— Нужен.

- Ну так бери тогда свой дурацкий видеофон и попытаемся его кому–нибудь скинуть. Если не удастся, используем мой вариант. Я телефоны тех пацанов записала.

- 4 -

Видеофон им, конечно, никому продать не удалось, и весь вечер Феникс как дура таскалась с пакетом в руке. Из автомата Танька звякнула по тем телефонам, что ей рекомендовали знакомые, и в одном месте им сказали, что они могут подъехать прямо сейчас. Ломалась Феникс недолго.

Пацанов было четверо, им было лет по пятнадцать–шестнадцать. Все — качки, на висках — инфогнёзда (сразу видно — бабки у ребят водятся). Танька с Феникс сделали им всё, что они просили, получили шестьдесят рублей и поехали на драгс–точку, где купили себе каждая по семивольтовке, и уже оттуда разъехались по домам. Где достать до завтра двести тринадцать рублей, Феникс и понятия не имела, но думать об этом сейчас ей хотелось меньше всего. Снова воткнув видеофон в розетку, она почистила зубы, приняла душ, поела и, достав из куртки энергокапсулу, принялась ею любоваться. Ей хотелось «удариться» прямо сейчас, несмотря на то, что её пока даже и не начинало ломать. Нет, сказала она себе, сегодня я постараюсь воздержаться от этого. Она снова спрятала капсулу в карман, потом передумала и переложила её в тумбочку. Попыталась почитать, но мысли постоянно отвлекались на эту чёртову капсулу. Семь вольт сразу — это тебе не три, и не пять.

И тут её словно огнём обожгло: Боже, как она могла забыть! Феникс даже рассмеялась над собственной глупостью, а потом помчалась в коридор, где в сумочке обнаружила наполовину пустую восьмивольтовую капсулу, которую ей подарил во дворе один знакомый, когда она на днях случайно встретила. Довольная, она запрыгала по комнате, размахивая руками и ногами. Потом замерла: а что, если сразу поставить все одиннадцать? Господи, Феникс, это будет что–то! Нет, твёрдо сказала она себе, нет, нет и ещё раз нет. Подумай о будущем, подумай о завтра. Сегодня ты заряжалась уже трижды, а этих одиннадцати вольт тебе завтра хватит на два раза… А сейчас ты больше не хочешь заряжаться. Больше не хочешь. Но капсула так красиво блестела в её пальцах, а нейропорт прямо жгло от желания. Нет, ещё раз сказала себе Феникс. Да, сказала она себе ещё раз. Нет. Да. Нет. Да. Да? Да. Одиннадцать? Нет. А давай одиннадцать? Ну–у–у… Устрой себе праздник, сказали ей её чувства. Тут сработала психосоматика: внизу снова начались покалывания. А ты представь, как тебя будет ломать после одиннадцати вольт! Да ну и чёрт с ним, зато представь, как тебе будет классно! Одиннадцать вольт — это не только не три и не

пять, но и даже не семь. Одиннадцать вольт — это не только очень высокая интенсивность, но и минут пятьдесят как минимум.

Наконец она решилась. «Да, чёрт возьми, — думала Феникс, и глаза её при этом возбуждённо блестели, — сегодня я устрою себе праздник! Ведь кто знает, что будет со мной завтра?» Она достала вторую капсулу, легла на диван. Устройство капсул позволяло нейроманам вставлять одну в другую, таким образом объединяя заряд. Она направила их навстречу друг другу, словно это были космические корабли, производящие стыковку; щелчок — и теперь они уже не разъединятся до тех пор, пока не исчерпают весь свой потенциал. Прикрыв глаза, девушка ввела дубль–капсулу в порт.

Наслаждайся, Феникс!